

- ⁵⁸ Ibid., S. 156.
⁵⁹ Ibid., S. 166.
⁶⁰ Sander P., Spangenberg H. Urkunden, N. 167.
⁶¹ См.: Müller H. F. Die elsässische Landstände. Strassburg, 1907.
⁶² Этот взгляд в XX в. стал господствующим в немецкой исторической литературе. — См.: Hintze O. Typologie der ständischen Verfassung des Abendlandes. — HZ, 1929, Bd. 141, H. 2, S. 230; Spangenberg H. Op. cit., S. 145.
⁶³ Rachfal F. Der dualistische Landesstaat. — Schmollers Jahrbuch, 1902, Bd. 26, S. 1063 f.
⁶⁴ Brunner O. Op. cit., S. 485, 502.
⁶⁵ Mayer Th. Geschichtliche Grundlagen der deutschen Verfassung. — In.: Mittelalterliche Studien. Konstanz, 1959, S. 77. f., 95.
⁶⁶ Bosl K. Op. cit., S. 349 f.
⁶⁷ Hintze O. Op. cit., S. 233.
⁶⁸ См.: Below G. Territorium und Stadt, S. 61.
⁶⁹ Sander P., Spangenberg H. Urkunden, N 182.
⁷⁰ Lüscher A. Op. cit., S. 453.
⁷¹ Below G. Op. cit., S. 62.
⁷² Sander P., Spangenberg H. Urkunden, N. 182.
⁷³ Ibid., N 181.
⁷⁴ Below G. Op. cit., S. 93.
⁷⁵ Bosl K. Die Geschichte der Repräsentation, S. 364 f.

Ю. К. Некрасов

ОБ ОТНОШЕНИИ РАДИКАЛЬНО-БЮРЖЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ К КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ

Крестьянскую войну в Германии К. Маркс называл «наиболее радикальным событием немецкой истории»¹. Ф. Энгельс трактовал Реформацию как «буржуазную революцию № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода»², в то же время подчеркивая, что она потерпела поражение «главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городского бюргерства»³. Отсюда понятно внимание, которое историки-марксисты уделяют проблеме отношения городов и различных слоев городского населения к событиям Крестьянской войны⁴, хотя некоторые аспекты этой проблемы до сих пор нельзя считать решенными⁵. Именно по этой причине представляет интерес поли-

тический памфлет анонимного автора «Собранию простого крестьянства»⁶. Трактовка содержания памфлета в современной историографии обнаруживает разногласия между учеными не только по вопросу о времени и месте появления документа, но и его идейно-политической направленности.

Еще В. Циммерман полагал, что памфлет появился в то время, когда Томас Мюнцер возвращался из Южной Германии в Тюрингию, т. е. в первой половине февраля 1525 г. до образования крупных крестьянских отрядов в Верхней Швабии и Франконии и до основных событий Крестьянской войны⁷. Историк-марксист ГДР Х. Хессельбарт, рассматривая памфлет в тесной связи с событиями Крестьянской войны, относит его появление к концу апреля или началу мая 1525 г. и утверждает, что своим появлением этот документ обязан активизации деятельности мюнцеровской партии в Тюрингии и Северной Франконии⁸. Советский историк М. М. Смирин в отличие от своего ученика Хессельбарта трактует содержание памфлета не как проявление народной реформации, соответствующего учению Мюнцера, а как выражение того политического направления, которое соответствовало интересам прогрессивных элементов бюргерства. Появление этого документа Смирин относит ко времени решающих событий в Тюрингии⁹. Таким образом, примерно через сто лет после мелкобуржуазного демократа Циммермана, который ограничился только упоминанием и кратким изложением содержания памфлета, его изучение впервые было поставлено на научную основу марксистской историографией.

Большое внимание памфлету «Собранию простого крестьянства» уделяет марксистская историография ГДР.

Во Введении к осуществленной в ГДР публикации памфлета З. Хойер отметил, что в написанной им совместно с М. Бензингом книге о Крестьянской войне памфлет ошибочно трактовался как близкий по содержанию учению Мюнцера и «Статейному письму»¹⁰. Это по существу означало признание правоты М. М. Смирин и ошибочность точки зрения Х. Хессельбарта. Дело в том, пишет Хойер, что памфлет по своему содержанию и идейной направленности являлся выражением не народной, а радикально-бюргерской реформации. В то же время Хойер вслед за Х. Бусцелло считает, что памфлет был составлен на немецком юго-западе, где-то в районе на восток от Боденского озера, к западу от Баварии, к северу от Альп и к югу от Вюртемберга, датируя время появле-

ния документа первой половиной мая 1525 г.¹¹. Другой историк ГДР, Г. Фоглер, полагает, что памфлет был написан анонимным автором в Верхней Швабии и в начале мая 1525 г. напечатан в Нюрнберге книгоиздателем Иеронимусом Хельцелем, за что последний был изгнан из города. Памфлет направлен против Лютера и поддерживает «дело крестьян». Аноним признает за подданными право на сопротивление «безбожным властям» и находится, таким образом, под влиянием Цвингли. В то же время трактовка этого права автором памфлета, по мнению Фоглера, отвергала идею общественного переворота и ограничивалась установлением земского мира¹². Однако З. Хойер уже после выхода в свет в ГДР издания памфлета опубликовал статью, в которой утверждает, что документ появился в середине мая 1525 г., когда восстание во Франконии достигло апогея, и руководству крестьянского отряда, действовавшего в долине Таубера, по инициативе проповедника небольшого княжеского городка Мергентхайма¹³ Бернхарда Бубенлебена удалось отправить памфлет в Нюрнберг, где он и был напечатан. Это, пишет Хойер, указывает на связь памфлета с событиями Крестьянской войны, его использование франконскими крестьянами и опровергает тезис Х. Бусцелло, что памфлет якобы был составлен с целью «ведения научной полемики»¹⁴. Приводимые Хойером данные существенным образом уточняют вопрос об истории появления документа, но не ставят под сомнение того факта, что памфлет был написан в одном из географических пунктов Швабского района Крестьянской войны.

Недавно к анализу текста памфлета обратился советский исследователь В. Е. Майер¹⁵, который пишет об авторе документа, что «вопрос о роли народных масс в общественном перевороте ставился им весьма радикально». Подчеркивая, что для автора главным был вопрос о власти, Майер отмечает, что в «памфлете обстоятельно при помощи метода исторического сопоставления и сравнения показаны преимущества республики перед монархией». В рассуждениях Майера о содержании памфлета особого внимания заслуживает мысль об общественном перевороте, который в условиях того времени с необходимостью должен был приобрести буржуазный характер.

В отличие от историков-марксистов буржуазные ученые долгое время игнорировали или фальсифицировали содержание этого памятника. Так, А. Ваас без достаточных на то ос-

нований связывал составление документа с подготовкой «Хейльбронского парламента» и называл Мемминген местом его появления¹⁶. Только в монографии Х. Бусцелло памфлету уделено серьезное внимание и его изучение приобрело характер научного исследования. Как уже отмечалось выше, Бусцелло считает, что памфлет появился на немецком юго-западе; его автор, вопреки учению Лютера, провозглашал право подданных на активное сопротивление «безбожным властям». Бусцелло согласен с М. М. Смирным в том, что памфлет тесно связан «с наследием и учением Томаса Мюнцера». Хотя, как полагает Бусцелло, автор памфлета ближе стоял к Цвингли, чем к утопическим идеям Мюнцера. Однако полагая, что даже радикальное течение в городах не поддержало крестьян¹⁷, Бусцелло отказывает сформулированным в памфлете положениям в каком-либо влиянии на крестьянскую массу, т. е. рассматривает их как социально-политическую утопию. В конечном счете интерпретация этим историкам памфлета имеет целью обоснование концепции Крестьянской войны как революции «простого человека» (*des gemeinen Mannes*), которая нашла себе сторонников среди западных ученых¹⁸. Последние представляют события 1525 г. как «непартийное движение», которое ставило перед собою задачу защиты не интересов какого-либо класса, а всех «простых людей», стремившихся не к уничтожению феодального строя, а лишь к устранению его наиболее вопиющих антагонизмов.

Научный интерес представляет также вопрос о социально-политической ориентации автора. Еще Х. Бусцелло выдвинул гипотезу, что автор памфлета был образованным клириком¹⁹. Эта гипотеза не вызывает принципиальных возражений и со стороны историков-марксистов. Сложнее вопрос о социально-политической ориентации анонимного автора. М. М. Смирин энергично подчеркивает ориентацию автора на радикальную группировку немецкого бюргерства, разделявшую религиозную доктрину и поддерживающую программу швейцарского реформатора Цвингли²⁰. М. Штейнмец утверждает, что аноним представлял интересы деревенской верхушки, и называет памфлет «единственным документом Крестьянской войны, вышедшим из крестьянских кругов»²¹. Содержание самого памфлета свидетельствует, однако, скорее о правоте Смирин, чем Штейнмеца. Автор памфлета видит в крестьянах союзников городского бюргерства, интересам

которого он подчиняет проект плана по созданию крестьянско-бюргерского союза на территориальной основе. С другой стороны, разногласия между Смирным и Штейнмецем в трактовке этого документа, как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, еще раз подчеркивают, что во время Крестьянской войны существовала общая не только социально-экономическая, но и идеологическая платформа борьбы бюргерства и крестьянства за преобразование феодального строя.

Рассмотрение историографии вопроса позволяет сделать следующие выводы. Автор памфлета, вероятно, был из Швабии, документ написан под впечатлением событий прежде всего в Швабском районе Крестьянской войны, но попытка его использования в целях крестьянского движения была предпринята во Франконии. Памфлет отражал интересы и настроения не народного, а радикально-бюргерского направления в общественном движении. В памфлете нарисована картина этого движения, характерная для второй половины апреля 1525 г., когда военно-политическая организация феодально-католического лагеря — Швабский союз — уже нанесла первые поражения крестьянскому движению (4 апреля под Лейпгеймом и 14 апреля под Вурцахом), но последнее продолжало оставаться грозной силой и развивалось по восходящей линии. Период между завершением работы над документом и его напечатанием в Нюрнберге длился две-три недели. Принципиальные различия в трактовке содержания памфлета буржуазной и марксистской историографией состоит в том, что если буржуазные историки видят в нем социально-политическую утопию или только проявление идеологии «простых людей», историки-марксисты связывают появление этого документа с событиями Крестьянской войны, подчеркивая при этом, что он отражал настроения и интересы определенного социально-политического течения в революционном движении. И, наконец, рассмотрение вопроса о времени, месте и обстоятельствах появления памфлета «Собранию простого крестьянства» красноречиво свидетельствует о несостоятельности точки зрения тех буржуазных ученых, которые видят в Крестьянской войне изолированные друг от друга восстания в различных территориях Германской империи; факты, в частности история появления памфлета, указывают на необходимость понимания Крестьянской войны как органически целостного явления.

Чтобы выяснить, в каком смысле положения, изложенные автором памфлета, были связаны с революционным движением, необходимо ближе рассмотреть содержание этого документа²², акцентируя внимание на таких положениях, как 1) концепция светской власти и ее назначение; 2) право подданных на сопротивление «безбожным властям»; 3) оценка событий Крестьянской войны и их значения; 4) отношение к программным требованиям крестьян.

Уже в преамбуле памфлета автор признает правомерность власти императора и обязывает подданных к уплате в ее пользу налогов (*zinsgroschen*). Но здесь же он требует от власти, чтобы она не превращалась в «безбожную тиранию», так как в таком случае она может уподобиться «бешеной собаке» (*der wuttenden hund*) и «извести весь род человеческий». Далее автор говорит о назначении власти, которая должна осуждать «нехристей» и защищать «благочестивых». Он утверждает, что власть получает назначение от бога и является его «творением». В то же время каждый правитель призван богом исполнять должность, используя ее на благо своим подданным. В другом месте, возвращаясь к теме «превращения власти в тиранию», автор памфлета выражает убеждение, что она становится «врагом собственной земли» и на нее бог обрушивает свою карающую десницу. Власть тиранов попирает «общую пользу» и разрушает единство власти и подданных, превращая их во враждебные друг другу силы. В этой связи аноним обращается к историческому опыту Швейцарии, познавшей жестокое угнетение «простого человека» со стороны дворян и их союзников, от которого она освободилась с помощью «большой войны, кровопролития и ударов меча». Памфлет не оставляет также сомнения, что его автор отдает предпочтение республиканской форме правления: Римское государство погибло лишь потому, что перешло от республиканского к монархическому правлению, а императорская власть быстро превратилась в тиранию. Памфлет содержит также резкую критику княжеского мелководержания, корыстного образа правления феодальных господ и жестокого угнетения ими своих подданных. Называя таких правителей змеями, драконами и волками, автор пишет, что их сердца преисполнены равнодушием и презрением «к нищете простого человека». Аноним выступает также против разделения властей на духовные и светские, утверждая, что власть должна быть сосредоточена в одних

руках. Поскольку власть в своих действиях может опираться как на принцип «духа» (gayst), так и принцип «плоти» (fleisch), справедливой следует признать только ту власть, которая придерживается принципа «духа» и радеет об «общей пользе».

Анализируя концепцию политической власти автора памфлета, М. М. Смирин подчеркивает, что она определялась критерием, служит ли эта власть общественным интересам или преследует эгоистические цели и наносит ущерб другим. Что касается формы правления, то она для анонима, по мнению Смирина, не имеет решающего значения, хотя автор памфлета и отдавал предпочтение выборно-республиканским учреждениям перед монархическими²³. Отметим также, что в развитии этических принципов и в понимании вопроса о назначении властей анонимный автор идет дальше Лютера, преодолевает ограниченность учения последнего о «двух сферах права»²⁴ и ближе стоит к буржуазным доктринам нового времени о государстве. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что образцом подражания ему служит Швейцария. Такие настроения во время революции были широко распространены в пограничных с швейцарскими кантонами землях Верхней Германии²⁵. В связи с этим З. Хойер замечает, что для политических требований крестьян и бюргеров в Юго-Западной Германии во время Крестьянской войны большую роль в качестве прототипа играли свободные швейцарские кантоны. Убеждение, что все следует преобразовать по швейцарскому примеру, глубоко проникло в сознание народных масс²⁶. Эти настроения свидетельствовали, с одной стороны, об идеализации общественным мнением порядков соседней Швейцарии, с другой — о стремлении южногерманцев освободиться от гнета князей и феодальных господ. Не вызывают также сомнения республиканские симпатии и даже убеждения автора памфлета, поскольку признание им власти императора по существу носит формальный характер.

Вопреки учению Лютера, который требовал от подданных, чтобы они подчинялись любым властям, автор памфлета развивает теорию о праве подданных на сопротивление и смещение «безбожных правителей». Границей, отделяющей, по мнению анонима, «законные» и «установленные богом» власти от «безбожных правителей», является тирания. Автор ставит перед собою задачу соотнести с буквой библии право общин на устранение властей, презревших заповеди Христа. Он за-

являет, что подданные сначала вняли словам Лютера и остались спокойны. Но теперь наступили другие времена. Первая заповедь бога гласит, что правители должны действовать не по собственному произволу, а руководствуясь одной только «божественной юрисдикцией» в установленных богом пределах. Вторая заповедь требует, чтобы власти служили добру, а не злу. Тот же, кто не оказывает помощи ближнему, не может быть признан верующим. Бог, утверждает аноним, освободил подданных от послушания тем властям, которые нарушают эту заповедь. Ссылаясь на библию, автор памфлета делает вывод, что если плохое дерево не приносит хороших плодов, его следует срубить и бросить в огонь. Поэтому если власти не будут прислушиваться к голосу разума, общины должны вооружиться мечом и воздействовать на них силой. Подданные вправе изгонять те «безбожные власти» (причем не только князей и господ, но и королей и императоров), которые руководствуются в своей деятельности только принципом «плоти» и попирают «общую пользу». Такие власти аноним сравнивает с волком, забравшимся в стадо; если этому волку не помешать, пишет он, от стада ничего не останется. Давая крестьянам рекомендации, каким образом устранить «безбожные власти», автор памфлета полагает, что это является компетенцией общин, их объединений и представительных органов и не может быть делом «мятежного плебса» (*ain auffruer getaupen bufels*). Общины, по его убеждению, должны предотвратить свержение правителей плебсом.

В памфлете отчетливо выражена мысль, отмечает М. М. Смирин, что политическая власть является обязанностью, а не привилегией; мысль, которую мы находим в оппозиционно-бюргерской литературе еще до Реформации, причем в сочинениях не только радикальных ее представителей. Ее мы встречаем у автора «Реформация императора Сигизмунда»²⁷, Эразма²⁸ и Лютера. Для автора памфлета «Собранию простого крестьянства» вопрос об ответственности властей и их выборности представляется вопросом первостепенной важности. Он освобождает подданных от послушания тем властям, которые перестают соответствовать этим требованиям. Но это не дает основания его политическую концепцию трактовать как проявление идеологии революционных кругов крестьянско-плебейского лагеря, так как она не содержит признания необходимости передачи власти «просто-

му народу». Автор ограничивается тем, что утверждает: властям, которые верно выполняют свои функции, все обязаны послушанием. Таким образом, он ограничивает перемены политической сферой и не распространяет их на социальные отношения. Источником власти для него является не народ, а бог²⁹. Вслед за Смириным М. Штейнмец подчеркивает, что анонимный автор заявляет о праве общин на устранение «нехристианских господ», но не признает в народе носителя божьей воли. Автор отвергает также любые радикальные перемены в отношениях собственности, и в его памфлете мы не находим идеи социального равенства. Выступая в роли выразителя интересов крестьянской верхушки, он в то же время поддерживает крестьян в борьбе за изменение самого института власти³⁰. В этой связи необходимо подчеркнуть, что автор памфлета идет дальше не только Лютера, который ограничивал право сопротивления властям увещанием и обращением к разуму и сердцу правителей, но и Цвингли, которого вопрос об устранении наследственных феодальных властей «сильно смущал»³¹. Следовательно, и «буржуазная» направленность концепции о праве подданных на сопротивление попирающим общественные интересы властям в памфлете выражена более определенно и последовательно, чем в сочинениях Лютера и даже Цвингли. Аноним отразил настроения той радикальной группировки немецкого бюргерства, которая вполне сознательно противопоставляла свои интересы интересам феодального дворянства и связывала свою политическую программу с необходимостью установления союза с крестьянскими массами, отделяя одновременно свои классовые интересы от интересов не только городских, но и деревенских низов. Это объясняет и отношение автора памфлета к Крестьянской войне.

Прежде всего следует указать на то, что автор памфлета признает правомерность происходящих собраний и выступлений крестьян против феодальных господ и рассматривает их как реализацию права подданных на сопротивление «безбожным властям», поскольку именно сейчас, когда собрались большие отряды, бог открыл двери, по его словам, в крепость своей веры. Автор выражает озабоченность тем, что господа, используя доверчивость крестьян, обманут их, и руководители крестьянских отрядов упустят благоприятный момент, чтобы привести движение к победоносному завершению. Основанием для таких опасений, вероятно, было заключение Вейн-

гартенского перемирия 17 апреля 1525 г. Поэтому, придавая исключительное значение происходящим событиям для судеб всех «простых людей» и общества в целом, аноним отказывается видеть в разгроме некоторых отрядов победу господ и поражение крестьян. В то же время он поддерживает только умеренное направление в крестьянском движении и осуждает деятельность в нем радикальных элементов. Автор памфлета, имея в виду представителей революционного направления в крестьянском движении, заявляет, что «кос-кто в их кровавых отрядах, уподобившись злодеям-предателям, поднял вопли против своих наследственных господ, требуя их изгнания». Он пишет, скорее всего о сторонниках Мюнцера и анабаптистах, что пророки, возбуждающие мятежи, «действуют против бога», и призывы к бунту не принесут «простому народу» ничего, кроме страданий. Аноним рекомендует крестьянам встать на путь урегулирования отношений с господами с помощью переговоров. Он противопоставляет мятежным настроениям и действиям принцип «братского единства и любви», поскольку этот принцип, положенный в основу организации отрядов, позволяет счастливо предотвращать проявление «мятежного духа». Отряды, прибегающие к насилию, сами становятся «безбожными», и члены этих отрядов по справедливому приговору бога подвергаются избиению.

Большой интерес представляет и отношение автора памфлета к программным требованиям крестьян. Он резко осуждает феодальных господ, обирающих своих подданных и взимающих с них несправедливые поборы, считая угнетение этими господами «простого человека» проявлением отвергнутой богом тирании. Автор обрушивается на епископов и других прелатов церкви, притесняющих народ рентами, оброками и прочими поборами «сверх всякой меры». Кровавые злодеяния этих господ, заявляет автор, убеждают в том, что они не могут быть признаны ни богом, ни миром; подобно сорнякам в огороде, они должны быть вырваны с корнем и выброшены за ограду. Так он подводит читателя к признанию необходимости проведения секуляризации церковных имуществ в пользу «светских сословий». Автор памфлета объявляет также «незаконным» проявлением «ужасной тирании» захват феодалами общинных земель, затрудняющий «простому человеку» изыскание средств для пропитания вдов и сирот. Поэтому он требует восстановления свободы поль-

зования землями альменды для всех тех, кто «сидит на своих наделах». Требование возвращения крестьянам земель альменды, пишет автор, «простые люди» выдвигали издавна и особенно — во время «любезного мне союза Башмака»³². Он же выступает за упорядочение прямых налогов, пошлин и акцизов, которые впредь должны поступать на общественные пущи, а не на удовлетворение корыстных интересов феодальных господ. По словам М. М. Смирин, автор памфлета выражает симпатию крестьянам, которые ведут борьбу против привилегий феодальных собственников, за укрепление своих владельческих прав на землю и отмену крепостничества (*Leibeigenschaft*). Аноним, понимая, что поражение крестьян приведет к усилению феодальной реакции, рекомендует меры, которые были в состоянии, по его мнению, предотвратить торжество этой реакции³³. По своим убеждениям аноним близок авторам программы «12 статей» (Шаппелеру и Лотцеру) и по существу поддерживает требования швабских крестьян. Но в то же время автор памфлета энергично защищает интересы собственников, призывая крестьян не простирать руки к состояниям других людей и не обогащаться за их счет. Все это дает основания говорить о «буржуазной» направленности памфлета.

Завершая рассмотрение памфлета «Собранию простого крестьянства», полагаем возможным сравнить его с «Хейльбронской программой»³⁵ прогрессивных элементов франконского бюргерства. Анонимный автор памфлета, так же как и один из составителей «Хейльбронской программы» Вендель Гиплер, «представитель средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*», проект общественных преобразований которого сводился «в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную»³⁶, руководствовался теми же классовыми интересами. Различие между ними состояло в широте политического кругозора: Гиплер видел *всю Германию*, аноним — *только Швабию*. Но и рекомендации последнего по существу являлись попыткой радикально-бюргерской группировки, представляемой которой по социально-религиозным убеждениям можно назвать «левыми цвинглианцами», политического решения аграрного вопроса революции. Именно в этой связи примечательно противопоставление автором памфлета интересов бюргерства и зажиточных крестьян не только интересам дворян-

ства и католического клира, но и интересам плебейских низов города и деревни. Таким образом, радикально-бюргерская группировка ориентировалась в борьбе с феодализмом на союз с имущими слоями городского населения и зажиточной верхушкой крестьян, которая в борьбе с господствующим классом хотя и отдавала предпочтение мирной тактике и урегулированию отношений с господами путем переговоров, в то же время выступала за преобразование институтов как собственности, так и политической власти.

Поэтому необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, памфлет достаточно ясно указывает на антагонизм между прогрессивными слоями бюргерства и привилегированными сословиями феодального общества; но, с другой стороны, в нем, по сравнению с «Хейльбронской программой», идея единого немецкого государства выражена в самой общей форме. Политические планы южнонемецкого бюргерства, как об этом свидетельствует текст памфлета, ограничивались созданием регионального государственного образования, руководящую роль в котором принадлежала бы имперским городам. Отсутствие в памфлете конструктивных предложений, направленных на создание единого национального государства, отражало партикуляристские настроения в среде радикально-бюргерских элементов Южной Германии, которым в большей мере в качестве прообраза политического устройства соответствовал пример и исторический опыт швейцарских кантонов, чем программа централизации в масштабах всей Германии, выдвинутая во Франконии Гиплером и его сторонниками. Указывая, однако, на тот факт, что планы радикально-бюргерской оппозиции в Южной Германии на данном этапе революции ограничивались территорией Швабии, следует иметь в виду, что успех движения на этом этапе неизбежно должен был поставить в повестку дня вопрос об объединении германских земель в национальных границах, так как только такое объединение создавало необходимые условия для развития буржуазных отношений.

Таким образом, можно утверждать, что политический памфлет «Собранию простого крестьянства» увидел свет в разгар событий Крестьянской войны в Швабском ее районе, отразил настроения и интересы радикально-бюргерской группировки, ориентировавшейся в борьбе с феодализмом на союз с крестьянством и поддерживавшей требования последнего, которые были сформулированы в программе «12 ста-

тей». Однако попытка практического использования памфлета, как известно, была предпринята во Франконии. Есть также основания для предположения, что автор памфлета выступил в роли идеолога тех группировок радикального бюргерства и зажиточной верхушки крестьянства, которые к началу XVI в. встали на путь превращения в класс буржуазии или, по крайней мере, являлись предшественниками этого класса. В то же время события 1525 г. обнаружили недостаточную социально-политическую зрелость даже радикальной группировки немецкого бюргерства и ее неспособность привести народные массы к победоносному завершению борьбы с феодальным строем, что и явилось одной из основных причин поражения раннебуржуазной революции, апогеем которой была Крестьянская война. Именно это, в конечном счете, объясняет значение политического памфлета анонимного автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 423.

² Там же, т. 21, с. 417.

³ Там же, т. 22, с. 307.

⁴ Это в первую очередь относится к таким монографическим исследованиям М. М. Смирин, как «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война» (М., 1955), «Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны» (М., 1962), «К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.)» (М. 1969). См. также: Стоклицкая-Терешкович В. В. Ротенбургское восстание 1525 г. — ИЗ, 1938, № 2; Она же. О деятельности Томаса Мюнцера как вождя мюльгаузенского плебейства. — ИМ, 1938, № 6; Она же. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны. — Вестник МГУ, сер. обществ. наук, 1950, вып. 2; Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. — СВ, 1954, вып. 5; Фадина М. Ф. Мюльгаузенское движение 1523—1525 гг. — УЗ МарПИ, 1958, т. 17; Она же. Классовая борьба в Северной Тюрингии во время Крестьянской войны. — В кн.: КГУ, УТ кафедр всеобщей истории, гос. и междунар. права. Алма-Ата, 1964; Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны. — ЕГИ, 1976. М., 1977; Он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии. — Вестник МГУ, сер. истор., 1977, вып. 4; Он же. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии. — СВ, 1977, вып. 41; Он же. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны. — СГ, 1978, вып. 5; 1981, вып. 6; Майер В. Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте. — В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981.

Укажем также следующие исследования историков ГДР: Meusel A. Thomas Müntzer und seine Zeit. B., 1952; Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem Großen Bauernkrieg. B., 1958; Idem.

Martin Luther. Grösse und Grenze, T. I. B., 1967; Deutsche Geschichte, Bd. 1: Von den Anfängen bis 1789. B., 1965; Bensing M. Thomas Müntzer und Thüringer Aufstand 1525. B., 1966; 450 Jahre Reformation. B., 1967; Mittenzwei I. Der Jachimsthaler Ausstand 1525, seine Ursachen und Folgen. B., 1968; Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg 1524—26, 2. Aufl. B., 1970; Steinmetz M. Das Müntzerbild vom Martin Luther bis Fridrich Engels. B., 1970; Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. B., 1974; Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemaynen Volk. Der deutsche Bauernkrieg 1525. B., 1975; Steinmetz M. Czok K. Leipziger Land im Bauernkrieg. Leipzig, 1975; Der Bauer im Klassenkampf. Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und der bäuerliche Klassenkampf im Spätféudalismus. B., 1975; Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Geschichte — Tradition — Lehren. B., 1977.

См. также переведенные на русский язык работы ученых ГДР: Кёдниц Х. К истории народных движений в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1523—1575 гг. — СВ, 1962, вып. 21—22; Бензинг М. Поражение Тюрингского восстания при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.). Его причины и предпосылки. — СВ, 1965, вып. 28; Штейнмец М. Наследие Томаса Мюнцера. — ЕГИ, 1970. М., 1971.

⁵ К числу недостаточно изученных вопросов следует отнести позицию различных слоев городского населения, ранней буржуазии в том числе, к восстанию крестьян и их программным требованиям, особенно в Швабском районе Крестьянской войны. Правда, в последние годы в историографии ГДР появились исследования, в которых предпринимается попытка рассмотрения этого вопроса (см.: Laube A. Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in deutschen frühbürgerlichen Revolution. — JbGF, 1977, Bd. I, S. 289—290, 294, 303; Mühlpfordt G. Bürger im Bauernkrieg — Stimme und Stimmungen 1524/25. — In: Der deutsche Bauernkrieg 1524/25, S. 131 f.; Strobach H. Die Bauern sind aufrührig werden. Lieder aus dem Bauernkrieg. — In: Der arme Mann 1525. Volkskundliche Studien. B., 1975. S. 239 f. Эти работы содержат интересные наблюдения и выводы, но не дают основания считать решенной проблему отношения горожан к Крестьянской войне.

⁶ На политический памфлет «Собранию простого крестьянства» первым обратил внимание В. Циммерман (см.: Zimmermann W. Geschichte des Großen Bauernkrieg. Stuttgart, 1840; русский перевод: Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии, т. 1—2. М., 1937), но затем этот памфлет на долгое время был предан забвению и не привлекал внимания исследователей. Забвение было нарушено немецким историком О. Х. Брандтом, который использовал памфлет в своей книге о Крестьянской войне и в переводе на современный немецкий язык напечатал его текст (см.: Brandt O. II. Der Große Bauernkrieg. Jena, 1925, S. 195—216). Но его труд по существу не содержит принципиальных оценок этого документа. В 1953 г. Х. Хессельбарт опубликовал статью, вышедшую из семинара проф. М. М. Смиринна на историческом факультете Московского университета и посвященную происхождению и анализу памфлета (см.: Hesselbarth H. Eine Flugschrift aus dem Großen Deutschen Bauernkrieg. — ZfG, 1953, H. 4). Через три года в ГДР была напечатана статья Смиринна (см.: Smirin M. M. Eine anonyme politische Flugschrift aus dem Großen Bauernkrieg. — In: Beiträge zum neuen Geschichtsbild. Zum 60. Geburtstag von A. Meusel. B., 1956), которая

обнаружила разногласия между учеником и учителем в понимании этого документа. Заметим также, что еще через два года статья Смирин была напечатана на русском языке (см.: Смирин М. М. Об одном анонимном политическом памфлете Великой Крестьянской войны. — Вестник МГУ, ист.-фил. сер., 1958, вып. 3). Только спустя десятилетие в буржуазной историографии памфлет был обстоятельно рассмотрен Х. Бусцелло, который впервые опубликовал в виде Приложения к своей монографии текст документа в подлиннике (см.: Buscello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung. Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung Gemayner Bauerschaft. (West-) B., 1969 Anhang). Затем в ГДР было осуществлено новое научное издание памфлета (см.: An die Versammlung Gemeiner Bauerschaft. Eine revolutionäre Flugschrift aus dem Deutschen Bauernkrieg (1525). Hrsg. S. Hoyer, B. Rüdiger, M. M. Guchman n. Leipzig, 1975). Обстоятельную статью этому документу посвятил З. Хойер, который предпринял попытку установления личности автора памфлета. В качестве возможных «кандидатов» он рассмотрел составителей программы «12 статей» швабских крестьян Кристофа Шappelера, Себастьяна Лотцера и руководителя реформационного движения в Вальдсхуте Бальтазара Хубмайера. Однако анализ их творчества и деятельности привел Хойера к выводу, что никто из них не мог быть автором памфлета (см.: Hoyer S. Widerstandrecht- und Widerstandspflicht in der Flugschrift «An die Versammlung gemayner pauer-schaft». — In: Der Bauer im Klassenkampf, S. 144—151).

⁷ Zimmermann W. Der Grosse Deutsche Bauernkrieg. B., 1975, S. 334—337.

⁸ Hesselbarth H. Op. cit., S. 530 f.

⁹ Smirin M. M. Eine anonyme politische Flugschrift, S. 87.

¹⁰ Bensing M., Hoyer S. Op. cit., S. 68.

¹¹ An die Versammlung Gemeiner Bauerschaft, S. Einleitung, S. 19, 21—22, 25.

¹² Vogler G. Op. cit., S. 57—59.

¹³ Заслуживает внимания и тот факт, что среди жителей Мергентхайма, расположенного на швабско-франкской границе, преобладало мнение, что всех феодальных господ следует перебить, конфисковать и подвергнуть разделу их имущество, а всем княжеским городам предоставить статус имперских городов (см.: Oechsle F. F. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in schwäbisch-fränkischen Grenzlanden. Heilbronn, 1840, S. 133).

¹⁴ Hoyer S. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zu Problem seines Verlaufs. — ZfG, 1976, H. 6, S. 675—676.

¹⁵ Майер В. Е. Указ. соч., с. 124, 128—130.

¹⁶ Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300—1525). München, 1964, S. 224.

¹⁷ Buscello H. Op. cit., S. 82 f., 114—115, 117—118, 127.

¹⁸ См.: Sabeau D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525. Stuttgart, 1972; Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975. С критикой концепции революции «простого человека» на Международном симпозиуме, посвященном 450-летию Крестьянской войны и состоявшемся в марте 1975 г. в Мемингене, выступил известный историк-марксист ГДР М. Штейнмец (см.: Steinmetz M. Position der Forschung. Kritische Bemerkungen zur Bauernkriegsforschung in der Bundesrepublik Deutschland. — In: Revolte und Revolution in Europa.

Referate und Protokolle der Internationalen Symposium zur Erinnerung an den Bauernkrieg 1525 (Memmingen 24.—27. März 1975). — HZ, Beiheft 4 (NF). München, 1975, S. 116 f.

¹⁹ Buszello H. Op. cit., S. 92 f. В связи с этим заметим, что, как писал Ф. Энгельс еще в «Крестьянской войне в Германии», «плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских ремесленников». Низшей прослойке католических священников и монахов «были достаточно близки условия жизни массы, и поэтому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 352). И хотя анонимный автор памфлета «Собранию простого крестьянства» относился отрицательно к городскому плебсу и деревенской бедноте, в то же время он разделял антифеодальные настроения имущих слоев города и деревни.

²⁰ Smirin M. M. Eine politische Flugshrift, S. 87.

²¹ Illustrierte Geschichte, S. 250; см. также: Нойс S. Widerstandsrecht und Widerstandspflicht, S. 154—155.

²² Buszello H. Op. cit., S. 153—192.

²³ Smirin M. M. Eine anonyme politische Flugschrift, S. 79.

²⁴ В марксистской исторической литературе учение Лютера о «двух сферах права» рассматривается М. М. Смирным, Ю. А. Голубкиным, М. Штейнмецем и Г. Шебицем (см.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 208—209; Он же. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978, с. 200—207; Голубкин Ю. А. Эволюция представлений Мартина Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1517—1525 годы). — ЕГИ, 1978, М., 1979, с. 256 сл.; Smirin M. M. Über Charakter der lutherischen Konzeption Zweier Ordnungen und Zweier Rechtssphären. — In: Weltwirkung der Reformation. Internationales Symposium. B., 1969, S. 57 f.; Zschäbitz G. Martin Luther, S. 168 f.; в буржуазной — Г. Борнкаммом и Ф. Лая (см.: Bornkamm H. Luthers Lehre von Zwei Reichen im Zusammenhang seiner Theologie. — ARG, 1958, Bd. 49, S. 26 f., Lau F. Zwei — Reiche — Lehre. — In: Religion in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1962, S. 69 f.). См. об этом также: Illustrierte Geschichte, S. 129—132; Некрасов Ю. К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хроники XVI в. — ЕГИ, 1977. М., 1978, с. 189—190.

²⁵ О прошвейцарских симпатиях верхнегерманцев свидетельствуют многочисленные факты. Так, судья Швабского союза и выходец из патрицианско-купеческого семейства Аугсбурга доктор Ильзунг еще накануне Крестьянской войны утверждал: все помыслы «простого народа» в Южной Германии сводятся к тому, чтобы стать швейцарцами (sie wollen schweizer werden). (См.: Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte, Bd. 1 (1517—1530). München, 1901, S. 108. В таком же духе высказывался во время войны один из руководителей Швабского союза и бургомистр Аугсбурга Ульрих Артц (см.: Die Correspondenz des schwäbischen Bundeshauptmannes Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524—1526. Hrsg. W. Vogt. — ZHV, 1880, Bd. 7, N 354, S. 345). Нотарий монастыря св. Блазия в Шварцвальде Андреас Летч, сообщая о походе цюрихских добровольцев на Вальдхут, замечает, что жители города при встрече добровольцев всячески старались показать, что они тоже желали бы стать швейцарцами (см.: Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges. München, 1963, S. 48). Крестьяне Херау в конце 1524 г. заявили о своем намерении «стать добрыми швейцарцами и крепко держаться друг друга» (См.: Elben A. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524.

Ein Beitrag zur Geschichte des Bauernkrieges. Stuttgart, 1880, S. 73). Число таких примеров легко можно было бы умножить.

Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что рассуждения анонимного автора о «швейцарском примере» почти дословно совпадают с пассажами на ту же тему современника Крестьянской войны сен-галленского хрониста Иоганнеса Кесслера (см.: Johannes Kesslers Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen. St. Gallen, 1902, G. 195 f.). Это указывает на прочно сложившееся общественное мнение.

²⁶ Hoyer C. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges, S. 673; Idem. Widerstandrecht und Widerstandspflicht, S. 142—143, 154.

²⁷ Die Reformation des Kaisers Sigmund. Die erste deutsche Reformationsschrift einer Laien vor Luther. Hrsg. H. Werner. B., 1908. О социально-политических взглядах автора памфлета и его содержании см.: Смирин М. М. Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952; Ермолаев В. А. «Реформация императора Сигизмунда» в освещении западногерманского историка. — СВ, 1965, вып. 28.

²⁸ О концепции политической власти Эразма см.: Смирин М. М. Эразм Роттердамский, с. 73—110.

²⁹ Smirin M. M. Eine anonyme politische Flugschrift, S. 84—85.

³⁰ Illustrierte Geschichte, S. 250.

³¹ Для изучения социально-политических взглядов и характера деятельности швейцарского реформатора Ульриха Цвингли в отечественной марксистской историографии сделано немного (см.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 322—325, 339—341, 345, 379; Он же. Германия эпохи Реформации, с. 227—228; Он же. К истории раннего капитализма, с. 335—336, 390—397; Он же. Эразм Роттердамский, с. 208—209; Чистозвонов А. Н. Цвингли. — СИЭ. М., 1974, т. 15, с. 709—710; Некрасов Ю. К. Социально-политические вопросы, с. 190—192). Это в полной мере относится и к марксистской историографии ГДР (см.: Deutsche Geschichte, Bd. 1, S. 511—512; Illustrierte Geschichte, S. 154—155). Более значителен вклад в изучение наследия Цвингли буржуазных ученых (см.: Köhler W. Huldrych Zwingli, 2. Aufl. Leipzig, 1954; Farner O. Huldrych Zwingli, Bde. 4. Zürich, 1943/60; Rother S. Die religiöse und geistliche Grundlagen des Politik Huldrych Zwinglis. Ein Beitrag zum Problem des christlichen Staates. Erlangen, 1956). Однако нельзя не отметить, что в западной историографии до сих пор изучением наследия и деятельности Цвингли по преимуществу занимаются теологи.

³² Движение крестьян и горожан в Юго-Западной Германии перед Реформацией под знаменем Башмака в буржуазной историографии получило освещение в монографии А. Розенкранца (см.: Rosenkranz A. Der Bundschuh, Bde 2. Heidelberg, 1927) в марксистской — в трудах М. М. Смирин и В. А. Ермолаева (см.: Смирин М. М. Очерки политической борьбы в Германии, с. 166—233; Ермолаев В. А. Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966, с. 29—51).

³³ Smirin M. M. Eine anonyme politische Flugschrift, S. 83.

³⁴ В этом убеждает доклад Г. Фоглера на Международном симпозиуме в Меммингене в 1975 г. (см.: Vogler G. Der revolutionäre Gehalt und räumliche Vorbreitung der oberschwäbischen Zwölf Artikel. — In.: Revolte und Revolution in Europa, S. 206 f.).

³⁵ В марксистской историографии вопрос о значении Хейльбронской программы для событий Крестьянской войны затрагивается М. М. Смирным, В. Г. Павленко и Г. Фоглером (см.: Смирин М. М. Энгельс о значении Крестьянской войны 1524—1525 гг. в истории Германии. — СВ, 1962, вып. 21, с. 12—24; он же. Германия эпохи Реформации, с. 235—238; Павленко В. Г. О происхождении и сущности Хейльбронской программы. — УЗ КГПИ, 1968, т. 16, с. 16—32; Vogler G. Zur Entstehung und Bedeutung des Heilbronner Programms. — In.: Die frühbürgerlichen Revolution in Deutschland in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. B., 1961, S. 120 f.).

А. Ф. Чужанов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЗЕМСКОГО УСТРОЙСТВА» МИХАЭЛЯ ГАЙСМАЙЕРА

Драматическая, наполненная сложными историческими коллизиями эпоха Реформации и Великой Крестьянской войны в Германии уже длительное время привлекает к себе внимание историков. Для современности особое значение приобретает идейное содержание столкновений той эпохи¹. Марксистской исторической науке присущ непреходящий интерес к явлениям борьбы с реакционным мировоззрением за более гуманные идеалы, направленные на освобождение человечества от сковывавших его сознание пут.

В таком духе следует оценивать деятельность Михаэля Гайсмайера, вождя тирольских крестьян и горняков. События Крестьянской войны в юго-восточных германских землях несут на себе яркий отпечаток влияния этой незаурядной личности. Пылкая мечта о светлом будущем, ради которой предлагается забвению все мелкое и личное — с одной стороны, и глубокий рационализм, блестящий талант политика и полководца — с другой, удивительным и счастливым образом сочетались в одном человеке, делая его прирожденным народным вождем и трибуном. Как и Лютер, внук крестьянина и сын горнопромышленника, Гайсмайер делал успешную карьеру. Секретарь командующего тирольской армией фон Фельса, чиновник и секретарь бриксенского епископа, он имел все условия для обеспеченного и безбедного существо-